Маяковский Владимир 13-20.04.97.

Моск. новости. – 1997 – 13 – 20 апр. – с. 20

СУДЬБА

Рулетка Владим Владимыча

14 апреля 1930 года не стало Владимира Маяковского.

Толпам своих молодых слушателей Маяковский упорно внушал, что ужаснее карточной игры ничего нет на белом свете. Разумеется, за вычетом сырой воды, скабрезных анекдотов и прямой измены пролетарскому делу. Очередной раз беспощадно отругав постылого Надсона, он мог напоследок выкрикнуть:

– Чем читать этаких поэтов, уж лучше бы вы...

– Ну что? Что?

– ...уж лучше бы вы резались в карты!

Но, вернувшись домой, звонил Асееву:

– Приходите! Я вас обыграю.

И если Асеев, тоже не жаловавший Надсона, отговаривался, что уже поздно, что он придет завтра, Маяковский наседал:

– Мне нужно обыграть вас сегодня. Сейчас. Сию минуту.

Как и в любви, чужая неудача в игре казалась ему естественной, своя же означала катастрофу. Непонятливой женщине он терпеливо растолковывал:

– Я люблю, когда у меня преимущество перед остальными...

Маяковский и Лиля Брик

Кроме карт, Маяковский азартно и помногу играл на бильярде, играл в кости, в городки, в пинг-понг, играл в рулетку и на бегах, играл на номера трамваев и денежных купюр, играл в слова, в орла и решку, в чет-нечет... Как напишет Эльза Триоле, «играл постоянно и во что угодно».

Над тротуаром у похоронного бюро висит венок. Маяковский с ходу бросает сквозь него трость. Следом то же самое наперебой проделывают его спутники. Придумываются правила. Определяется победитель.

Пока живы – почему не повеселиться?

На даче в Пушкине ночи напролет играли сразу на обеих террасах двумя компаниями. Время от времени бегали узнавать, что у соседей. В Москве проваливались в игру на несколько суток кряду. Тогда на двери общей квартиры Маяковского и Бриков появлялась записка: «Сегодня Брики не принимают». Как-то в Берлине Маяковский месяца полтора просидел в номере гостиницы за картами со счастливо подвернувшимся партнером. И Лиля Брик сносила эту напасть. А взорвалась, лишь когда он стал рассказывать в Политехническом музее о своих впечатлениях от Берлина, естественно, с чужих слов, потому что сам толком ничего не видел.

Почему же он так безоглядно отдавался любой игре? Самый простой ответ – у художника Владимира Козлинского: «Каждое дело поворачивалось к нему своей денежной стороной». Что правда, то правда: принцип «сухого чистогана» соблюдался в игре неукоснительно. И Маяковский, конечно, выигрывал. И радовался, выиграв, например, у маркера, но радовался скорее классу игры:

– Обыграть маркера – это все равно что переиграть Шопена.

И, однако, о серьезных проигрышах его известно гораздо больше. Он проиграл Асееву поездку в Италию, Крученых – стопку своих самых ранних изданий. Чтобы расплатиться с партнером, взял крупную сумму у Романа Якобсона, а его, возмещая долг, поселил на все лето у себя на даче...

Сам Маяковский говорил Михаилу Зощенко, что играет, лишь бы отвлечься от никогда не прекращающейся, изнурительной словесной работы. И он же признавался, что это никак ему не удается. «Даже играя в карты... – сокрушается Зощенко, – продолжал додумывать».

А Лев Никулин считал, что Маяковский бросался к бильярду, рулетке или карточному столу исключительно от избытка сил, не зная, чем бы еще себя занять. Увы, для такого объяснения Маяковский играл слишком самозабвенно. «...Причем он страшно нервничал при игре, – замечает тот же Якобсон. – Он выигрывал, он умел добить... Но после этого, – я сам был не раз свидетелем, когда он ночевал у меня в Москве, – он ходил из угла в угол и плакал от разрядки нервов».

Игра, с ее азартом и риском, безумием и расчетом, взлетами и срывами, с вихрем страстей, давала ему ощущение полноты жизни. И, конечно, отстоялась стихами:

Вся жизнь
на карты окон легла.
Очко стекла –
и я проиграю.

За три дня до самоубийства Маяковский у себя дома сел играть в покер с безотказным Асеевым, не успевшим еще состариться Михаилом Яншиным и его тогдашней женой Вероникой Полонской. Почти год он обманывал с нею простофилю мужа, а с недавних пор стал подозревать, что она обманывает их обоих. Но зато в карты теперь ему должно было страшно везти, а он проигрался дотла. Провожая гостей в переднюю, обреченно спросил:

– Ну, кто мне на базар трешку одолжит?

Это он так шутил, подсказывает догадливый Асеев. В самом деле смешно: голодный Маяковский с утра пораньше на базаре без копейки денег.

Асеев не ошибся: деньги у Маяковского еще были. И он не долго думал, куда их пристроить. На следующий день, составляя предсмертное письмо, распорядился: «В столе у меня 2000 руб. – внесите в налог». И тогда же попросил Асеева собрать вечером вчерашних партнеров: хотел напоследок отыграться. Не удалось: Асеев не отыскал Яншина. Через сутки Маяковский снова позвонил Асееву, но не застал его дома.

– Ну что ж, – сказал тогда, – значит, ничего не поделаешь!

А еще через сутки, утром 14 апреля, в отчаянии, явно испытывая судьбу, схватил револьвер с одним-единственным патроном и выстрелил в сердце. На Западе что-то подобное называют «русской рулеткой».

Он дернулся, будто его резко окликнули, и неудержимо повалился наземь. Сил не было даже на то, чтобы растянуть губы в привычной ухмылке: вот, мол, доигрался...

Владимир РАДЗИШЕВСКИЙ